

Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия

В 1299 г. Византия и Сербия подписали мирный договор, положивший конец многолетним враждебным отношениям между ними. Подписанию соглашения предшествовали длительные переговоры, во время которых состоялся обмен посольствами и которые завершились личной встречей государей для ратификации договора.

Византийско-сербский договор 1298/1299 г. до сих пор еще не стал объектом самостоятельного исследования при всем его значении для судеб обоих государств, хотя редкая работа по истории византийско-сербских отношений конца XIII в. обходится без упоминания этого соглашения. Тем не менее, ряд вопросов остается, на наш взгляд, нерешенным. К их числу следует отнести проблему, касающуюся причин, заставивших обе стороны пойти на заключение мира, а также связанную с этим проблему инициатора отправки первого посольства, хода переговоров и принятых условий.

Известно, что после предпринятого в 1282 г. королем Стефаном Урошем II Милутином контрнаступления между Византией и Сербией вплоть до 1298 г. (т. е. года, когда обе стороны приступили к переговорам) шла практически не прекращавшаяся пограничная война. Империя терпела в ней одно поражение за другим и оказалась вынужденной уступить значительные по размерам территории на своей северной границе. Поэтому причины, подтолкнувшие Андроника II Палеолога пойти на подписание мира с Милутином, вполне очевидны. Так, император в своем отчете перед патриархом утверждал, что пошел на переговоры с королем Сербии «против воли и желания»¹, ибо «люди, земли и вещи с одной стороны были по несчастью отняты, вконец опустошены и полностью разграблены»². Поэтому для него требовалось «добиться отступления варвара, посылая то посольства, то войска»³. Мир с сербами требовалось заключить еще и по той причине, что в Малой Азии усилился натиск турок⁴, а воевать на два фронта одновременно Византия была уже не в состоянии.

¹ «...παρὰ γνώμον καὶ παρὰ θέλησιν» — Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologo. V. II. Bonnae, 1885, p. 294.1–3.

² Ibid., V. II, p. 293.18–294; 1.

³ Ibid., V. II, p. 271.14–16.

⁴ Ibid., V. II, p. 272.7–9.

Неизвестно, с какого времени Андроник II начинает отправлять в Сербию посольства с предложениями мира. Можно только предположить, что первоначально император пытался решить проблему силой оружия и только потом, в начале 90-х гг. XIII в., убедившись в бесплодности этих попыток, начинает искать иные способы урегулирования конфликта. До 1297 г., до похода Михаила Главы на сербов, его усилия не увенчались успехом. Милутин не желал идти на заключение мира, не хотел он и вступать в переговоры.

После похода и поражения Михаила Главы позиция сербского короля резко изменилась. Одержав очередную победу, он решает прекратить военные действия и пойти на переговоры с Византией. О ходе переговоров и заключении мира сохранились сообщения Георгия Пахимера, Никифора Григоры, Феодора Метохита. Но ни один из названных авторов не оставил указаний на то, какими соображениями руководствовался Милутин, начиная переговоры с Андроником II. Исследователи проблемы византийско-сербских политических отношений выдвигали самые разнообразные версии событий 1297–1299 гг. К числу причин, заставивших Милутина пойти на подписание мира с империей, относили необходимость укрепления престижа королевской власти, гарантирование территориальных приобретений, сделанных в 80-х — 90-х гг. XIII в., поиск опоры для борьбы с братом Стефаном Драгутином и решение проблемы наследования престола⁵.

В стремлении решить этот вопрос можно выделить два подхода: внутри- и внешнеполитический. Несомненно, что оба этих фактора оказали влияние на выбор Милутина, но исследователи, как правило, отдают предпочтение первому, полагая, что он являлся определяющим. Попытаемся рассмотреть обстановку в Сербии и на ее границах на момент начала переговоров и степень ее влияния на решение Милутина.

Принято считать, что поход Михаила Главы в 1297 г. завершился однозначно неудачей для византийцев и победой для сербов. Но трудно поверить, что, одержав очередную победу и имея возможность продолжать войну, Милутин без веских на то причин пошел на ее прекращение. На наш взгляд, результаты предпринятого Главой наступления нуждаются в переоценке. О походе 1297 г. Пахимер писал следующее: император никакими средствами не мог добиться мира с сербами до тех пор, пока не послал против них Главу «с войском, который, многократно побеждая, ничего не достиг, но сам был побежден, так как они (сербы. — О. Н.) напали на него скрытно, разбойничьим способом»⁶. Из высказываний Пахимера можно заключить, что полководцу в

⁵ К. Јиречек. Историја Срба. Књ. I. Београд, 1952, с. 194; М. Ласкарис. Византиске принцезе у средњовековној Србији. Пролог историји и византиско-српских односи од краја XII до средине XV века. Београд, 1926, с. 55–56; Ст. Станојевић. Краљ Милутин // ГНЧ. Књ. XVI. Београд, 1937, с. 12; М. Динић. Однос између краља Милутина и Драгутина // ЗРВИ. Књ. 3. Београд, 1955, с. 57; G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 404; В. Мошин. Балканската дипломатија и династическите бракови на кралот Милутин // Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1977, т. 2, с. 187; К. Илиевска. Теодор Метохит и неговиот извештај за дипломатската мисија во Србија // Там же, с. 222; Историја српског народа. Београд, 1981, књ. I, с. 445–446; L. Mavromatis. La fondation de l'Empire serbe. Le kralj Milutin. Thessalonique, 1978, p. 36, 50.

⁶ Pachym., V. II, p. 271.16–272.1.

начале военных действий сопутствовал успех и сербы смогли нанести ему поражение, только заманив его в засаду.

На событиях византийско-сербской войны коротко останавливается и Феодор Метохит в своем письме к Никифору Хумну о посольстве ко двору сербского короля. Так, в числе лиц, принимавших непосредственное участие в подготовке текста договора, упоминается некто Григорий. Он носил титул «гегемона народного войска» (ἡγεμὼν ἐν τοῖς τοῦ γένους στρατεύμασι δεύτερος)⁷, чему, вероятно, соответствует сербский «великий воевода», второй предводитель войска после короля⁸. О нем Метохит сообщал следующее: «Среди них был Григорий, ... который ранее был захвачен в плен в войне с императором и таким образом вследствие длительного заточения стал известен лично императору и нам»⁹. Когда же человек, обладавший столь высокой должностью, мог оказаться в византийском плену? Очевидно, что такое могло случиться только в случае тяжелого поражения, понесенного сербскими войсками.

Во время византийско-сербской войны империя провела две крупные операции, в которых принял участие Михаил Глава: в 1283 и 1297 гг. Во время одной из них и попал в плен Григорий. Когда же? Известно, что он добился своего положения благодаря личным заслугам перед королем Милутином¹⁰. Но тот пришел к власти только в 1282 г., и представляется маловероятным, чтобы Григорий всего за год смог достичь столь высокого положения. Вряд ли он сумел бы сохранить расположение и доверие короля после почти пятнадцатилетнего заточения. Но если в 1283 г. он еще не занимал поста великого воеводы, то непонятно, как он смог после византийского плена в столь короткий срок (от года до полутора лет, если предположить, что он был отпущен сразу после начала переговоров в 1297 г.) достичь своего поста. Остается неясным в таком случае, почему на него обратили внимание Андроник II и его приближенные.

На наш взгляд, пленение Григория следует отнести к 1297 г. В таком случае, он находился в заточении год или несколько больше и стал известен императору, Метохиту и Хумну вследствие своего высокого поста и влияния на короля. В Константинополе он получил возможность познакомиться с византийскими обычаями и общим положением дел в стране, на знание которых Григорием указывал Метохит¹¹.

⁷ Theodore Metochite *Presbeutikos* // *L. Mavromatis. La fondation...*, p. 106.627–107.628. Далее — *Presbeutikos*.

⁸ *Ст. Новаковић. Стара српска војска. Београд, 1893, с. 61; а также см.: Византиске извори за историју народа Југославије. Књ. VI. Београд, 1986. Бел. 76, с. 119.*

⁹ *Presbeutikos*, p. 106.612–615.

¹⁰ *Ibid.*, p. 106.620–624.

¹¹ Метохит писал, что Григорий обладал большим опытом и был «в наших делах лучший из своего народа» (*Presbeutikos*, p. 106.617–619). Личность Григория с трудом поддается определению. М. Пуркович предпринял попытку идентифицировать его с отцом хиландарского монаха Исаяи (*M. Purković. Der Vater des Starez Isaias* // *BZ. Bd. 44. München, 1951, S. 461–462*). Возможно, что Григорий Метохита представляет одну и ту же личность с Григорием Пахимера в повествовании последнего о византийском посольстве в Сербию конца 60-х гг. XIII в. Из рассказа Пахимера следует, что Григорий был доверенным лицом короля Уроша I и занимал пост месадзона

Возможно, события 1297 г. нашли отражение в поэме Мануила Фила, посвященной подвигам Михаила Главы. Хронология сочинения сложна для понимания и о принципах ее построения и по сей день ведется дискуссия¹². Интересующий нас отрывок датируется Х. Лопаревым, В. Н. Златарским, П. Петровым и К. Иречком началом 80-х гг. XIII в.¹³. П. Александер и Н. Радошевич считают возможным отнести событие ко времени 1297–1298 гг.¹⁴. Упоминание Филом среди противников Главы Котаницы позволяет сделать заключение, что описанный им поход состоялся уже после 1283 г.¹⁵. В рассказе Фила есть деталь, схожая с повествованием Пахимера о событиях 1297 г. Поэт указывает, что на Главу во время его похода напал некто Савр, тайно, из засады¹⁶. В данном случае трудно однозначно сказать, что речь идет об одном и том же событии — ведь по словам того же Пахимера подобная тактика была обычной для сербов¹⁷. Но не исключено, что все три автора — Пахимер, Метохит и Фил — описали именно события 1297 г., когда после ряда побед¹⁸ византийские войска потерпели поражение и были вынуждены отступить. Сербь также понесли потери, попал в плен великий воевода, вероятно, были утрачены значительные территории. Таким образом, у короля Милутина были более веские причины внешнеполитического характера, чтобы отказаться от продолжения военных действий, чем ранее было принято считать.

(Pachym., V. I, p. 352.18). Григория можно идентифицировать с неким «comes Georgius», который в качестве посла путешествовал в 1273 и 1281 гг. из Сербии в Италию (В. Макушев. Итальянские архивы и хранящиеся в них документы для славянской истории. Неаполь и Палермо. СПб., 1871, т. II, с. 30–31). Если Григорий Пахимера, итальянских документов и Метохита — одно и то же лицо, находившееся последовательно на службе у трех королей Сербии, то в 1281–1282 гг. оно не занимало поста великого воеводы и не участвовало в войнах с Византией, так как исполняло дипломатическое поручение в Неаполе. В таком случае, к концу 90-х гг. XIII в. Григорий должен был иметь весьма преклонный возраст.

- ¹² Еще Х. Лопарев выдвинул гипотезу, что поэма Мануила Фила составлена не по хронологическому, а по географическому принципу (Х. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил к истории Болгарии в XIII–XIV веке. СПб., 1891, с. 13–44). В. Н. Златарский доказывал обратное (В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове. София, 1940, т. III, с. 602–607). С его выводами согласился П. Петров (П. Петров. Българо-византските отношения през втората половина на XIII в., отразени в поемата на Мануил Фил «За военните подвизи на известен чутовен протостратор» // ИИБИ. София, 1956, т. 6, с. 545–572).
- ¹³ Х. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил..., с. 38; В. Н. Златарски. История на Българската държава..., с. 603; П. Петров. Българо-византските отношения..., с. 546; К. Иречек. Историја Срба..., књ. 1, с. 188.
- ¹⁴ P. J. Alexander. Chrysobull 'of the Emperor Andronikos II // Byz. 1940/1941, № 15, p. 207; Византијски извори..., т. VI, с. 592.
- ¹⁵ Точная дата побега Котаницы из монастыря неизвестна, но повторное поступление его на сербскую службу датируют, как правило, 1283–1284 гг. (Х. Лопарев. Византийский поэт Мануил Фил..., с. 30; L. Mavromatis. La fondation..., p. 31–34; Византијски извори..., т. VI. Бел. 72, с. 34; К. Иречек. Историја Срба..., књ. 1, с. 441).
- ¹⁶ Manuelis Philae Carmina / Ed. E. Miller. V. II, p. 254.314–319.
- ¹⁷ Pachym., V. II, p. 271.21–272.1.
- ¹⁸ Мануил Фил указывает, что византийские войска под руководством Главы заняли Овче Поле, Моровизд, Скопле, Славиште, Пиянец и долину р. Струмицы / Manuelis Philae Carmina. V. II, p. 253.301–254.313.

Теперь рассмотрим внутривосточную ситуацию в Сербии к 1298 г. Вступив на престол, Милутин стал проводить политику, направленную на укрепление центральной власти. Реформам подверглись как местное, так и центральное управление, военное дело¹⁹. По-видимому, оказались затронутыми и интересы Драгутина. В частности, под юрисдикцию Сербской архиепископии отошли Скопелская и Дебарская области на юге и епископии Браничева и Мачвы на севере²⁰. Как известно, последние входили в состав удела Драгутина, и тем самым Милутин оспаривал права своего брата как суверенного государя.

Поражения в войне с Византией были не единственными внешнеполитическими неудачами Сербии в 90-х гг. XIII в. Походы Милутина на Браничево и в Видин привели к конфликту с ханом Ногаем. Последний стал собирать войско для вторжения в Сербию, и только своевременная отправка посольства с богатыми дарами к нему предотвратила войну и разорение страны²¹. В качестве гарантии договора хан потребовал выдачи заложников, которые и были предоставлены ему из числа знатных властелей. Вместе с ними к Ногаю отправился и сын Милутина Стефан²².

Внешнеполитические неудачи вызвали оправданное недовольство властели политикой короля, который не уберег страну от нашествий иноземцев. Известно, что именно неспособность Драгутина защитить интересы государства на внешнеполитической арене стала одной из причин, которые привели к переменам на сербском престоле в 1282 г. Увечье Драгутина, полученное накануне большой войны с империей, заставило его отречься от престола в пользу своего брата²³. Сходная ситуация сложилась в 90-х гг. XIII в., когда вновь король оказался не способен защитить страну.

Недовольство властели централизаторской политикой Милутина, с одной стороны, и неудачи в столкновениях с Ногаем и Андроником II — с другой, до крайности обострили обстановку в Сербии. Король оказался перед лицом назревающего бунта властели против своей власти. Милутин нуждался в союзнике, способном обеспечить ему необходимую поддержку в борьбе против собственной знати и присоединившегося к ней брата Драгутина. Договор с Болгарией от 1284 г. утратил свою силу в связи со свержением царя Георгия I Тертера с престола Ногаем и утверждением там татарской гегемонии²⁴. С восшествием на престол Смилеца борьба между различными группировками знати усилилась. Раздираемая междоусобицами Болгария не представляла из себя того союзника, в котором нуждался Милутин.

¹⁹ В. Мошин. Византиски утицај у Србији у XIV веку // ИИЧ. Београд, 1937, књ. 3, с. 147–158; Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии в XIII–XV вв. М., 1975, с. 262–263; Историја српског народа..., књ. I, с. 466–467.

²⁰ Историја српског народа..., књ. I, с. 466–467.

²¹ Архиепископ Данило и други. Животи краљева и архиепископа српских / Издао Ђ. Даничић. Загреб, 1866, с. 122–123.

²² Там же, с. 123.

²³ Архиепископ Данило и други. Животи..., с. 24, 41; Pachym., V. II, p. 273.19–274.2.

²⁴ О сущности татарской гегемонии в Болгарии см.: Z. Plyakov. Die Aussenpolitik des Bulgarischen Staates um das Ende des 13 Jh. // ЕИ, т. XII, S. 23–24. Sofia, 1984.

Венгрия также не могла стать поддержкой для него. Она была союзником и опорой Драгутина. Претензии Милутина на Мачву, в которой тот видел составную часть Сербского королевства, не могли встретить здесь одобрения и поддержки.

Таким образом, в середине 90-х гг. XIII в. Сербия оказалась в своеобразной внешнеполитической изоляции. Единственным сильным союзником могла стать только Византия, но с ней Милутин находился в состоянии войны, а поход Главы в 1297 г. еще более осложнил положение короля. На основании сказанного можно сделать заключение, что причинами, заставившими Милутина пойти на подписание мира с Андроником II, стали в первую очередь угроза бунта со стороны властели, недовольной результатами внутренней и внешней политики короля, династические притязания Драгутина и связанное с этим стремление Милутина обеспечить престол за собой и, возможно, за своими детьми²⁵.

На основании рассказов Пахимера и Метохита можно утверждать, что Византия была хорошо осведомлена о внутренней ситуации в Сербии, в частности, об угрозе, исходившей со стороны властели и Драгутина²⁶. Поэтому, когда Византия и Сербия приступили к переговорам, Андроник II оказался перед необходимостью сделать выбор: чью сторону поддержать. Не было никакой гарантии, что Милутин сумеет сохранить за собой власть. Тогда в случае нового дворцового переворота на престол вступит Драгутин или его сын Владислав, что приведет к возобновлению войн с империей. Но и в противном случае также ничто не гарантирует мирные отношения между Византией и Сербией в будущем, так как существует влиятельная партия властели, которая выступает за продолжение агрессии в южном направлении. Заключение же союза с Драгутином означало, кроме того, лишение поддержки со стороны сербской православной церкви, которая стояла за сближение двух государств. Заключение же союза с Милутином давало возможность в будущем оказывать определенное влияние на политику короля через его жену и приближенных. Поэтому Андроник II решает принять сторону Милутина и оказать ему поддержку против брата.

Кому же принадлежала инициатива отправки первого посольства? Сведения, сообщаемые современниками событий, кажутся на первый взгляд противоречивыми. Так, Пахимер указывал на давнее стремление Андроника II примириться с сербским королем, для достижения этой цели он даже направил несколько посольств²⁷. Но тот отвечал отказом вплоть до 1297 г., когда в его настроениях происходит перемена и когда Глава «советует королю через посланника заключить соглашение, отвечает согласием»²⁸. Наоборот, Григора утверждал, что «руки этой Евдокии прислал просить король Сербии с условием заключить вечный союз с ромеями»²⁹, тем самым приписывая инициативу Милутину. Мето-

²⁵ М. Ласкарис. Византиске принцезе..., с. 55–56; М. Зечевић. Живот и владавина Стевана Дечанског. Београд, 1903, књ. I, с. 61–73.

²⁶ Pachym., V. II, p. 286.5–13.

²⁷ Ibid., V. II, p. 271.14–16.

²⁸ Ibid., V. II, p. 272.6–7.

²⁹ Greg., V. I, p. 202.19–21.

хит как бы подтверждает точку зрения Григоры, утверждая, что великий воевода Григорий был «первым из присутствующих здесь (в данном случае речь идет об уже начавшихся переговорах. — О. Н.), кто... начал примирение и переговоры о браке»³⁰. Эта фраза Метохита двусмысленна и допускает несколько толкований. Неясно, что именно имел в виду византийский посол: то ли Григорий подал саму идею примирения между государствами на основе брака родственницы императора и короля или же благодаря ему зашедшие в тупик переговоры сдвинулись с мертвой точки, был найден разумный компромисс, удовлетворивший обе стороны, и тем самым удалось избежать нового конфликта. Анализ контекста, в котором содержится приведенное высказывание, с одинаковой вероятностью допускает оба толкования.

Большинство исследователей придерживается мнения, что в данном случае прав безусловно Пахимер и инициатива исходила с византийской стороны, а конкретно — от Михаила Главы³¹. Точку зрения Григоры М. Ласкарис объяснял как уступку имперскому патриотизму³². Наоборот, Л. Мавроматис сделал попытку примирить противоречащие друг другу версии Пахимера и Григоры. Он предположил, что в данном случае Глава выступал только как посредник между Андроником II и Григорием, за спиной которого стоял Милутин³³.

Вероятно, следует согласиться с мнением Л. Мавроматиса в той его части, где Главе уделяется роль посредника между государями. По всей видимости, в высказываниях Пахимера и Григоры речь идет о разных событиях, представляющих собой начальные фазы переговоров. Не нужно доказывать, что изначальная инициатива прекращения военных действий принадлежала Византии, о чем говорится в первой части сообщения Пахимера, а также, видимо, у Метохита³⁴. Посланник Главы в таком случае должен был прозондировать готовность короля вступить в переговоры. Поэтому Пахимер ничего не сообщает о какой-либо иной миссии посланника, как только о поручении ему «посоветовать заключить соглашение». Никаких переговоров с Милутином он не вел. Первое посольство, имевшее целью вести переговоры и заключить соглашение о мире и союзе, прибыло из Сербии. О нем упоминается у Григоры. Таким образом, первоначальная идея примирения исходила, без сомнения, со стороны Византии, а первые действия по ее воплощению, связанные с отправкой посольства для ведения переговоров и заключения договора, принадлежат Сербии. Какую роль в этом сыграл плененный воевода Григорий, сказать трудно. Он хорошо знал лично короля, ситуацию в стране. Именно Григорий мог посоветовать Андронику II, как лучше достичь поставленной цели, а именно примириться с Сербией. Видимо, поэтому он и был представлен

³⁰ Presbeutikos, p. 106.615–617.

³¹ М. Ласкарис. Византиске принцезе..., с. 55; Ст. Станојевић. Краљ Милутин..., с. 12; М. Динић. Однос између краља Милутина и Драгутина..., с. 57; Историја српског народа..., књ. 1, с. 445; В. Мошин. Балканската дипломатија..., с. 186; А. Е. Laiou. Constantinople and the Latins. The Foreign Policy of Andronicus II. Cambridge, 1972, p. 94.

³² М. Ласкарис. Византиске принцезе..., с. 55.

³³ L. Mavromatis. La fondation..., p. 36.

³⁴ Pachym., V. II, p. 271.14–16; Presbeutikos, p. 98.348–349, 107.657–659.

императору, Хумну и Метохиту. Не исключено, что для содействия успеху переговоров Григорий был отпущен на свободу и отбыл на родину. Григорий с сербской стороны и Глава — с византийской стали теми посредниками, через которых начали осуществляться мероприятия по достижению договора и получению информации о состоянии дел.

Первый раунд переговоров состоялся в Константинополе. Предварительное соглашение было достигнуто сравнительно быстро. Точные его условия остались неизвестными, но на основании письма Метохита можно с уверенностью говорить, что в первую очередь речь шла о решении пограничных вопросов³⁵. Особых трений здесь не возникло, и обе стороны быстро достигли соглашения. Для гарантии договора должен был быть заключен брак между сестрой Андроника II Евдокией и Стефаном Милутином³⁶. Также сербская сторона обязалась выдать заложников из числа знатных властелей³⁷.

Переговоры в Константинополе состоялись, видимо, уже после отъезда Евдокии в столицу империи из Трапезунда³⁸, 13 июля 1298 г.³⁹. Посольство Милутина прибыло в конце лета — начале осени того же года. Но Евдокия неожиданно для Андроника II оказалась выйти за Милутина, «находя такое замужество отвратительным»⁴⁰. Едва достигнутое соглашение оказалось под угрозой денонсации со стороны Сербии. Последовал обмен посольствами. Король угрожал императору, но чем именно, из слов Григоры понять невозможно. Очевидно одно: Милутин страстно желал породниться с Андроником II⁴¹. Обе стороны в равной степени опасались расторжения договора — и император⁴², и король⁴³. Вероятно, Милутин указал на возможные последствия для себя и Византии в случае, если договор не будет подписан.

В такой ситуации Андроник II решает предложить королю вместо сестры Евдокии свою родную дочь Симониду. Для подписания договора на новых условиях и окончательного заключения мира ко двору Милутина отправился Метохит. Новые предложения византийцев состояли в следующем: в связи с более высоким рангом невесты требовались новые уступки в территориальных вопросах, увеличение числа заложников с сербской стороны, а также обязательные клятвы королевы-матери, властели, архиепископа и духовенства королевства⁴⁴.

Предпринятая Милутином попытка примириться с империей не способствовала улучшению обстановки внутри Сербии. Заключение договора означало

³⁵ Presbeutikos, p. 105.582–590.

³⁶ Greg., V. I, p. 202.19–20; Pachym., V. II, p. 273.13–15. Брак был крайне необходим, так как «варвару присуща натура необязательности...» (Ibid., V. II, p. 272.11–12).

³⁷ Presbeutikos, p. 105.588–589.

³⁸ Chronikon Panareti / Ed. O. Lampsidis. Athenai, 1958, p. 63; 13–14.

³⁹ Григора ставит начало переговоров непосредственно после прибытия Евдокии в Константинополь (Greg., V. I, p. 202.14–15).

⁴⁰ Greg., V. I, p. 203.13–14.

⁴¹ Ibid., p. 203.14–15; Presbeutikos, p. 107.647–651.

⁴² Greg., V. I, p. 203.15–17.

⁴³ Presbeutikos, p. 107.652–661.

⁴⁴ Ibid., p. 105.547–579.

прекращение набегов и грабежей для властелы⁴⁵. Кроме того, недовольство вызвало и намерение Милутина передать по условиям соглашения ряд заложников из числа наиболее знатных властелей. Об этом сообщил Метохиту Глава во время пребывания византийского посольства в Фессалонике. Полководец поддерживал постоянную связь с двором Милутина и был в курсе всех последних событий. Он поведал и о другой группе недовольных, «о сильно напуганных за себя самих из-за заключенного мирного соглашения»⁴⁶. Возможно, здесь говорится о византийских перебежчиках, которых после подписания договора должны были вернуть на родину, или же о группе властелей, открыто выступивших против короля и теперь опасавшихся за свою безопасность в случае укрепления позиций Милутина. Обе группировки оказывали давление на короля, чтобы отговорить его от сближения с Византией. Об этих обстоятельствах Глава счел необходимым предупредить Метохита в первую очередь.

Помимо названного, византийского посла интересовали еще несколько вопросов: отбыл ли король, согласно ранее достигнутой договоренности, к границам своего государства для ведения переговоров⁴⁷, по-прежнему ли он готов вести их на достигнутых условиях и нет ли каких-либо изменений в его позиции и, наконец, не отказался ли он от примирения с империей. На них Глава не дал удовлетворительного ответа и для выяснения положения дел он по просьбе Метохита отправил человека к Милутину⁴⁸, а до его возвращения посольство должно было задержаться в Фессалонике, вероятно, чтобы лишний раз не рисковать.

Вскоре из Сербии прибыло посольство, отправленное королем в Константинополь, и Метохиту представилась «неожиданная удача выведать и разузнать все о тамошних делах», о цели миссии и о том, нет ли со стороны Милутина каких-либо изменений в условиях соглашения⁴⁹. Сербь сообщили, что никаких изменений в позиции короля нет, а он сам отбыл к границам страны для встречи византийского посольства.

Встреча Метохита и Милутина состоялась в марте 1299 г. неподалеку от византийской границы. Имперские послы заняли на переговорах позицию сильной стороны. Они располагали полной информацией о событиях, происходящих в Сербии, настроениях двора и ближайшего окружения короля; пользуясь этим, они смогли диктовать свои условия. Кроме того, на их стороне оказался фактор времени, что имело большое значение в создавшихся условиях. Сербь, которые одержали победу в войне, были вынуждены пойти навстречу многим требованиям византийских послов. Король был заинтересован в скорейшем заключении договора. Одновременно он опасался, что выдвинутые императором новые условия продиктованы нежеланием Андроника II подписать мир, стремлением затянуть переговоры, чтобы в конечном счете отказаться от соглашения из-за несговорчивости сербов⁵⁰.

⁴⁵ Presbeutikos, p. 98.324–338.

⁴⁶ Ibid., p. 98.338–340.

⁴⁷ Ibid., p. 101.427–428, 437–440.

⁴⁸ Ibid., p. 100.387–391.

⁴⁹ Ibid., p. 100.411–417.

⁵⁰ Ibid., p. 107.653–656, 108.673–676.

Переговоры с Метохитом вел великий воевода Григорий, как человек наиболее опытный для выполнения подобного поручения. Требование Андроника II об уступке в территориальных вопросах было удовлетворено безоговорочно, и к нему более не возвращались⁵¹. Это еще раз доказывает, что в данный момент территориальная проблема не представляла для Милутина принципиального интереса. Трудными для решения оказались вопросы о необходимости увеличения числа заложников с сербской стороны и обязательном принесении клятвы властелей и королевой-матерью. Милутин через Григория не возражал ни против клятвы, ни против выдачи заложников как таковых, «ни против числа их, ни против того, каких...»⁵². Но король указывал на невозможность исполнения некоторых требований в силу ряда обязательств. Елена, мать короля, на момент переговоров находится далеко отсюда и не в состоянии прибыть «вследствие разгара зимнего времени»⁵³. С другой стороны, Милутин не может обеспечить выдачу требуемого византийцами числа заложников, так как их семьи отказываются отпустить своих родных на чужбину, и король не в состоянии заставить их ни уговорами, ни угрозами, ни силой⁵⁴. Очевидно, что Милутин постепенно терял контроль над ситуацией в собственном государстве, властеля отказывалась ему повиноваться и выполнять его волю. Парадоксальность создавшейся ситуации заключалась в том, что именно по причине растущего недовольства властели византийская сторона настаивала на увеличении числа передаваемых заложников и клятве властели. Андроник II стремился добиться соблюдения условий договора при любых обстоятельствах, и в результате переговоры зашли в тупик. У сербов появились опасения в истинности намерений императора, и, чтобы не допустить разрыва отношений, обе стороны были вынуждены пойти на уступки.

Сербь предложили для улаживания недовольства властели выдать заложников и с византийской стороны, «в обмен на выдаваемое ими большое число — небольшое»⁵⁵. В результате длительных переговоров и споров Метохит согласился на передачу шести человек в обмен на гораздо более значительное количество высокопоставленных сербов⁵⁶. Византийский посол после получения ответа из Константинополя на отправленный туда ранее запрос уступил и по вопросу о клятве королеве-матери. Он дал согласие на перенесение ее на время после свадьбы Милутина и Симониды⁵⁷.

В окончательном виде обязательства сербской стороны выглядели следующим образом. Между Византией и Сербией заключался мир и союз; Андроник II предоставлял Милутину военную помощь для борьбы с Драгутином и властелей, уступал часть завоеванной королем территории как приданое за

⁵¹ Presbeutikos, p. 107.653–656, 108.673–676.

⁵² Ibid., p. 109.708–710.

⁵³ Ibid., p. 109.699–705.

⁵⁴ Ibid., p. 110.763–111.771.

⁵⁵ Ibid., p. 111.771–773.

⁵⁶ Ibid., p. 111.776–777.

⁵⁷ Ibid., p. 111.749–753.

воей дочерью. В качестве гарантии прочности соглашения Милутин передавал неизвестное количество заложников, в числе которых — Анну, дочь болгарского царя Георгия I Тертера, свою бывшую жену, и Котаницу, известного византийского полководца⁵⁸.

Размеры территориальных уступок Милутина определить сложнее. Как правило, полагают, что после заключения мира в 1299 г. граница стабилизировалась по линии к северу от Велеса, Прилепа, Охрида и Штипа. Такая констатация свершившегося факта не дает четкого представления ни о размерах приобретений Милутина, ни о размерах его уступок. Помочь здесь может только определение границы между Византией и Сербией к началу 80-х гг. XIII в.

В 50-х — 60-х гг. XIII в. названные области (т. е. Верхнего и Нижнего Пологов, земли около Прилепа и Охрида, Косово Поле) неоднократно переходили из рук в руки. Ко времени отправки посольства патриарха Иосифа в конце 60-х гг. XIII в. византийско-сербская граница проходила к северу от Охрида (который, по сообщению Пахимера, был последним городом, принадлежавшим империи, на пути посольства⁵⁹). Области Верхнего и Нижнего Пологов и земли до г. Липяна не входили в состав Византии⁶⁰. Вероятно, империя утратила контроль над ними в результате военных столкновений с сербами в 60-х гг. XIII в.⁶¹

Вплоть до начала 80-х гг. XIII в. между Византией и Сербией не велись сколько-нибудь крупные войны и, надо полагать, граница оставалась неизменной, т. е. в основном соответствовала положению на 1270 г.

В 1280 г. в связи с переходом на сербскую сторону Котаницы войны возобновились. Акция Константина Порфирогенета завершилась поражением сербской армии и пленением Котаницы. Вероятно, нанеся поражение королю Драгутину, Константин далеко расширил северные пределы Византии и включил в их состав ряд сербских территорий. По этому поводу архиепископ Данило писал, что, когда Милутин пришел к власти, он увидел «державу свою уменьшенную до Липляна»⁶². В своем первом походе он завоевал оба Полога, Злетово, Пиянец, Скопле, Овче Поле, т. е. фактически восстановил границы 1270 г. Впоследствии король захватил Кичево и Дебарскую область. Неизвестно, входили эти земли до 1270 г. в состав Сербии или Византии, но вполне вероятно, что они принадлежали первой. Вплоть до 1297 г. на границе не было существенных столкновений, и можно с уверенностью полагать, что она оставалась в основном неизменной и проходила по линии Струмица-Просек-Прилеп-Охрид-Кройа⁶³.

⁵⁸ Presbeutikos, p. 110.745–749; Pachym., V. II, p. 276.12–13.

⁵⁹ Pachym., V. I, p. 352.12–18.

⁶⁰ Л. Славева высказала мнение, что эти земли не являлись ни византийскими, ни сербскими и их жители не признавали ни власти императора, ни власти короля Сербии (Л. Славева. Дипломатичко-правните споменици за историјата на Полог и соседните краеви во XIV век // Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1980, т. 3, с. 238).

⁶¹ Видимо, успехи внешней политики Уроша I стали одной из причин, которые вызвали отставку посольства патриарха Иосифа к королю Сербии.

⁶² Архиепископ Данило и други. Животи..., с. 108.

⁶³ Историја српског народа..., књ. I, с. 441–447, 453; Византијски извори..., т. VI, с. 106, бел. 56.

В этой связи в особую проблему нужно выделить вопрос о принадлежности державе Милутина г. Штипа в 1297–1299 гг. Ряд исследователей решают его положительно и даже полагают, что переговоры Метохита с сербским королем проходили именно в этом городе⁶⁴. Данило не упоминает Штип в своем повествовании о походах Милутина среди завоеванных им городов. О Штипе шла речь в договоре между Карлом Валуа и Милутином от 1308 г. В соглашении король заявил о правах на этот город, считая его своим владением⁶⁵, хотя к этому времени он не входил в состав Сербского королевства. Видимо, присоединение Штипа составляло предмет особой заботы Милутина, если король выставил это специальным условием при подписании соглашения. Не исключено, что Штип с округой и были теми самыми землями, которые Милутин уступил Андронику II по условиям мира 1299 г., о чем упоминает в своем письме Метохит. Этим византийцы лишали сербов важного плацдарма на левом берегу р. Брегалницы.

Брак Милутина с Симонидой — дочерью византийского императора — оказал существенное влияние на авторитет короля как в Сербии, так и за ее пределами. Очевидно, что после свадьбы произошло изменение в положении Сербского королевства в имперской иерархии государей⁶⁶. Отныне Милутин величал Андроника II своим «родителем»⁶⁷, «отцом и господином»⁶⁸, а Михаила IX — «братом»⁶⁹. В свою очередь, Андроник II именовал Милутина своим «возлюбленным сыном и зятем»⁷⁰, а Михаил IX — «зятем и братом»⁷¹. Титул «зятя и сына» императора предоставлялся согласно византийской традиции суверенным государям и давал право на ношение царского

⁶⁴ Например: В. Мошин. Балканската дипломатија..., с. 188–189; М. Ласкарис. Византиске принцезе..., с. 62.

⁶⁵ Ratification du traité précédent par Stefan Uroš II Milutin // L. Mavromatis. La fondation..., p. 136.

⁶⁶ До этого времени сербы занимали самую низшую ступень в иерархии и носили титул «δοῦλος» (F. Dölger. Die Familie der Könige in Mittelalter // F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 42).

⁶⁷ Л. Славева. Грамота на крал Милутин за ђелијата св. Петка во с. Тморане // Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Скопје, 1975, т. 1, с. 256.

⁶⁸ «ὁ πατήρ τε καὶ δεσπότης» — Presbeutikos, p. 101.437. Титул «господин и родитель мой» встречается в грамоте от 1313/1316 гг. (Преработка на грамота за пиргот Хрусија од 1313–1316 година // Споменици..., т. 1, с. 336), «господин мой и родитель» — в грамоте от 1313 г. (Грамота од крал Милутин за пиргот Хрусија со потврда од архиепископ Сава III, вероятно од 1313 година // Споменици..., т. 1, с. 326).

⁶⁹ Грамота на крал Милутин за пиргот Хрусија со потврда од архиепископот Сава III..., с. 326; Преработка на грамота за пиргот Хрусија..., с. 336.

⁷⁰ Превод на грамота од царот Андроник II Палеолог за манастирот св. Никита (1299–1300) дополнета со податоци за подаванјето на манастирот св. Никита на хиландарскиот пирг Хрусија (според изчезната грамота на кралот Милутин), со датум мај, VI индикт, 1308 година // Споменици..., т. 1, с. 321, 322, 323; «ὁ περιττόθητος γαμβρός» (Грамота на цар Андроник II за хиландарскиот пирг од декември 1324 година // Споменици..., т. 1, с. 347, 348, 349), «любимое дитя императора» — «ὁ παῖς φίλος τῷ βασιλεῖ» // Presbeutikos, p. 112.807–808.

⁷¹ «ὁ περιττόθητος ἀδελφός καὶ γαμβρός» — В. Мошин, Л. Славева. Грамота на цар Михаил IX Палеолог за манастирот Св. Никита ка Скопје од 1299 година (?), по април // Споменици..., т. 1, с. 288.

титула⁷². Известны документы Милутина, относящиеся к началу XIV в., где тот именуется не иначе как «царь Сербии»⁷³. Не исключено, что разрешение на провозглашение Сербии царством было одним из условий договора с империей от 1298/1299 г. В таком случае Византия рассчитывала не только утвердить престол за Милутином, но и закрепить королевскую власть в Сербии за его детьми от брака с Симонидой⁷⁴.

В пользу такого предположения говорят некоторые факты, изложенные Григорой и Метохитом и уже давно известные исследователям. В начале XIV в. императрица Ирина прибыла в Фессалонику. Отсюда она установила контакты с Милутином и, «желая украсить свою дочь царским достоинством», она «возложила на голову зятя своего калиптру, украшенную драгоценными камнями и дорогим жемчугом почти так же, как украшалась калиптра ее супруга императора Андроника...»⁷⁵. Присутствие в Фессалонике рядом с Ириной доверенного человека Андроника II Метохита⁷⁶ позволяет сделать предположение, что императрица действовала если не с одобрения, то с ведома своего мужа.

Возможно, что Византия шла на провозглашение Сербии царством не сразу после заключения договора, а только после рождения Симонидой ребенка мужского пола. Но так как та оказалась бесплодной, Милутин был вынужден согласиться на провозглашение своими наследниками сыновей Ирины Димитрия и Феодора⁷⁷.

Кроме того, империя обязалась предоставить королю немедленную военную помощь для войны с братом⁷⁸, который видел в соглашении между Милутином и Андроником II угрозу для себя лично и договору в Дежеве от 1282 г. Отношения Милутина с Драгутином к лету 1299 г. обострились настолько, что назревал открытый военный конфликт. Драгутин намеревался или Милутин считал, что он намеревается начать военные действия весной или летом. По этой причине он торопился с заключением договора с Византией и был весьма озабочен вынужденным затягиванием подписания соглашения.

Византия выполнила последнее условие и прислала испрашиваемые Милутином войска. После подписания мира Андроник II остался в Фессалонике на все лето и осень и вернулся в Константинополь только 22 ноября 1299 г.⁷⁹.

⁷² F. Dölger. Die mittelalterliche «Famolie der Fürsten und Völker» und der Bulgarenherrscher // F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 171.

⁷³ В. Мошин. Повеља краља Милутина Карејској Ђелији // ГСНД. Београд, 1039, књ. XIX, с. 70–76; Грамота на крал Милутин за пиргот Хрусија со потврда од архиепископот Сава III..., с. 325.

⁷⁴ Е. П. Наумов. Господствующий класс..., с. 264; М. Ласкарис. Византиске принцезе..., с. 56.

⁷⁵ Greg., V. I, p. 241.20–242.6. Впрочем, Л. Мавроматис полагает, что это был скадион деспота (L. Mavromatis. La fondation..., p. 60–61).

⁷⁶ M. Treu. Dichtungen des Gross-Logotheten Theodoros Metochites // Program des Victoria-Gymnasiums zu Potsdam. Potsdam, 1895, S. 20.722–728.

⁷⁷ Greg., V. I, p. 242.21–244.15; Manuelis Philae Carmina inedita / Ed. A. Martini. Neapoli, 1900, p. 17.48–49.

⁷⁸ Pachym., V. II, p. 286.5–13.

⁷⁹ Ibid., V. II, p. 290.8–13.

Неизвестно, дошло ли до вооруженного столкновения между византийскими войсками и армией Драгутина. Вероятнее всего, что последний не рискнул открывать военные действия против брата, пока в стране находились имперские войска, и совершил нападение уже после их ухода, в 1300 или 1301 гг.

Обязательства византийской стороны по договору были следующими: император согласен на провозглашение Сербии царством с условием, что власть будет унаследована детьми от брака с Симонидой. Сыновья Милутина от предыдущих браков Стефан и Константин объявлялись незаконнорожденными и лишались каких бы то ни было прав на престол. Империя обязалась предоставить королю военную помощь для ведения войны с братом и отказывалась от притязаний на спорные земли между Липляном и Прилепом, за обладание которыми шли войны между государствами с 1259 по 1297 гг.

Договор 1298/1299 г. был прямым следствием внутривосточных мероприятий Милутина, его централизаторской политики, которая вызвала недовольство со стороны властели и Драгутина. Две крупные военные неудачи Сербии в 90-х гг. XIII в. — конфликт с Ногаем и война с Византией в 1297 г. — еще более обострили обстановку в стране. Договор с Византией преследовал цель обезопасить южные границы государства и получить союзника на случай начала военных действий со стороны властели и Драгутина. Соглашение было призвано способствовать укреплению власти короля и стабилизации внутренней обстановки в стране. Но мир с Византией вызвал новое возмущение властели и Драгутина и стал своеобразным катализатором, еще более обострившим отношения Милутина с подданными и братом, и поводом к развязыванию войны.

Но если достоинства договора 1298/1299 г. для внутренней ситуации в Сербии оказались более чем сомнительными, то с точки зрения внешней политики успех дипломатии Милутина был налицо. Король сумел добиться отказа империи от притязаний на спорные земли и — путем брака с Симонидой — признания Сербии царством, что способствовало возрастанию международного престижа Сербского государства. Милутин заручился поддержкой Византии на случай войны с властелой и братом, что в конечном счете способствовало его победе над ними в 1313 г.

Немало получила от договора с сербами и Византия. Наконец-то наступил долгожданный мир на северной границе, длившийся вплоть до смерти Милутина в 1321 г. Андроник II сумел дипломатией добиться того, чего не удалось сделать его отцу Михаилу VIII, — распространить византийское влияние на Сербию. По договору власть в королевстве должны были наследовать дети Симониды, или, как оказалось впоследствии, сыновья самого Андроника II от брака с Ириной. Византия получила возможность во многом влиять как на внешнюю, так и на внутреннюю политику Сербии, имея в руках два важнейших инструмента — православную церковь и провизантийски настроенное окружение Симониды.